

Yerevan++ (rmx)

Эмиль Петросян

*Эмиль из Еревана собрал и записал эти сведения,
чтобы прошедшие события с течением времени не
пришли в забвение и великие и удивления
достойные деяния как интеллектуалов, так и
варваров не остались в неизвестности.*

СЭМ

*-Если я и дальше буду так уменьшаться, -
сказала она про себя, - я могу и вовсе исчезнуть.*

Л. Кэрролл, Приключения Алисы в стране чудес.

Я не мог дозвониться до Сэма уже несколько дней. Он не появлялся у себя в художественном институте, и давно не приходил в гости ни ко мне, ни к Эду. Мы дружили со школы, и всегда были друг у друга на виду. Я решил сам навестить его дома, но домашние Сэма сказали, что он спит. Я решил, что он провалился в депрессию из-за своей несчастной любви, и решил его на какое-то время оставить в покое.

В тот год почти всю зиму шел обильный снегопад, что было крайне необычно для нашего южного города. 2000-ый год был не за горами, все ждали обнуления компьютеров, жизни, истории. Декабрь спустился с небес, как Снежная королева, и разговаривал с нами суровым, холодным, бесстрастным голосом.

Все ждали Нового года как Страшного суда. И в самом деле, образы, сошедшие с работ Босха, всегда находились неподалеку, расхаживали по университетскому двору, заполняли автобусы и магазины. Заканчивался энергетический кризис, и люди снова возвращались к электричеству, цивилизации.

Сэм смотрел в чашку чая и видел свое искаженное отражение. Он всматривался вглубь чашки, пытаясь разглядеть, что же лежит на душе у него самого. Только черные чаинки, лежащие плотным слоем.

Отопления давно уже не было, еще с советских времен, и квартира напоминала мрачную ледяную пещеру. Электричество давали чаще, чем прежде, но никогда больше 5 часов в сутки. В полумраке на кухне урчала печка-буржуйка. Сэм обхватил чашку руками и сделал глоток.

Сэм услышал над собой голос матери.

- Одевайся, сынок, опоздаешь.

Сэм посмотрел на часы – скоро девять.

- Да, сейчас, только допью чай.

Он допил чай, взял со стола несколько конфет, положил в карман, посмотрелся в зеркало, причесался, надел ботинки и пальто – и вышел.

Остановка обезлюдела еще час назад, снежный туман и разноцветные огоньки фар, Сэму казалось, что он оказался в фантастическом фильме типа «Бегущего по лезвию», и до конца не понимает, кто он человек или все же репликант.

Яркий свет фар обдал лицо Сэма, подъезжал автобус. Всосав в себя Сэма, автобус поехал дальше, волоча за собой свое тучное, тяжелое бесцветное туловище огромного светящегося изнутри прозрачного червя.

В автобусе было три человека, они ехали, укутавшись в куртки, как выжившие после кораблекрушения. Сэм все происходящее воспринимал мимоходом, не анализируя и не ощущая, он думал о своем. Семья Сэма находилась в крайне сложном положении – отец еле зарабатывал на хлеб, мать не работала. Сэму приходилось отдавать семье все свои деньги. Он постоянно чувствовал себя в западне, из которой ему не выбраться. А ведь жизнь, можно сказать, только начиналась.

Было еще кое-что, что не давало ему покоя. Безответная любовь. Донна Анна, которая выворачивала его душу наизнанку. Это была злокачественная любовь. Она захватила его целиком и растворяла изнутри, словно фермент, выбрасываемый пауком в жертву. Он постоянно пытался ей угодить, ждал ее возле университета, приглашал на концерты и на свой день рождения. Но она ходила с ним только по ресторанам и постоянно намекала о подарках, которые хотела получить. Он сильно обиделся, когда она не пришла на его день рождения, но продолжал покупать ей все, что бы она ни пожелала, в ущерб себе и своей семье.

Автобус остановился, мысли – вместе с ним, Сэм – вместе с мыслями. Город переливался вечерними огнями. Для всех остальных рабочий день окончен, а для Сэма он только начинается. Еще один бесконечный рабочий день. Люди возвращались с работы, и выглядели, как заложники после неудачного штурма. Сэм видел себя среди этих людей, он ощущал их дыхание, их интересы, их беспокойства. Он был частью этих людей, и находился в той же чашке Петри, в которую превратился город.

Вдали показалась знакомая дверь. Сэм обменялся любезностями со швейцаром, каким-то бывшим партийцем, номенклатурным стариком, который всю ночь морозил себе причиндалы у открытой на улицу двери. Здесь работал и Сэм.

Сэм попал в это чудесное место, после трех неоплаченных испытательных сроков в разных местах. Здесь платили регулярно. И здесь в общем-то было весело. Испытательный месяц прошел без происшествий, и его приняли в штат. С его работой семья вздохнула с облегчением, заработок небольшой, но стабильный. Но где-то в глубине души он ощущал в себе глухую ненависть к родителям за то, что ему приходится зарабатывать в таком злом месте.

Помещение бара блестело и резало глаза кислотным светом всевозможных спецэффектов. Кого-то это наверняка расслабляло. И в самом деле, почему бы не оттянуться перед концом света. Вспышки света освещали натянутые улыбки шлюх и животные улыбки пьяных гостей. Советская империя развалилась, но эти люди искусственно продлевали ее эрекцию.

Сэм работал световиком. Пол бара почти не освещался, и Сэму всегда казалось, что это "действие" происходит в воздухе, над пропастью, не имеющей дна. Казалось, одно напряжение мысли - и все развалится, как карточный домик, и пропадет навсегда, вместе со всеми своими обитателями. Сэм был согласен провалиться вместе с ними.

Сэм поднялся к себе в каморку. Стекла каморки уже начинали запотевать. Парниковый эффект. Жара и алкоголь распяляли людей и рано или поздно приводили их к раздеванию. Сэм сидел у аппаратуры и давил в людей свет из многочисленных тубиков прожекторов. Посетители вымазывались этим светом, как пирожными из черно-белых фильмов. Он был просто наблюдателем. Он ничего не мог. Только свет.

Его боссом был здоровый коротко стриженный мужик средних лет, управляющий заведения, на вид обычный бандит со спортивным прошлым.

- Следи за ними, Сэм, они шлюхи, они постоянно мухлюют!
- Но, босс, мое же дело только "свет". Я очень прошу, пусть деньги с них собирает кто-нибудь другой.
- Кому нужен "свет", чудила, ты же не в своем этом кукольном театре, откуда мы тебя достали! Мне главное - "бабки"... С сегодняшнего дня твое дело - свет и бабки.
- Ну знаете, мы так не договаривались...
- Не надо мне тут сношать муму, я говорю – ты делаешь! И еще, они часто прячут бабки в себя; ты понимаешь? Ищи их бабки внутри них. А если что-то не нравится, то я никого не держу!

Танцовщицы уже плотно облепили Сэма. Неприкрытые смешки и прелость причинных мест. Он начал свое "обследование".

- Где деньги?
- Сегодня не было!
- Врешь, я видел!
- Какой ты конченный!
- А это что! - уже научившись сдерживать отвращение и доставая деньги, кричал Сэм.

"Почему ты такая сука, Сэм?", "Ты же жить нам не даешь!" - самые популярные при обследовании вопросы.

"Сначала согрел бы руки", "доведи меня до оргазма, пупсик", "посмотри, я не залетела?", "смотри, не упали - не выловим". В такие моменты Сэм сдерживал внутри атомную бомбу негодования, но продолжал молча выполнять свою работу.

Смотря в хорошенькие глаза стриптизерш, Сэм часто вспоминал свои паранормальные отношения с Анной, а ведь, объективно, они были красивее нее.

"Сегодня вечером я не могу, я должна заниматься», «можешь проводить, если уж тебе больше заняться нечем», «не делай больше так!», «не смотри на меня так!», «представляешь наших детей? Я пошутила!», «у тебя появилась девушка? Она красивая? Как я?». Садистка.

Было время, когда Сэм мечтал стать великим живописцем. Анализируя свое нынешнее положение Сэм вкладывал в последнее слово уже другой смысл.

Рабочая ночь уже заканчивалась, Сэм собирался домой. Он занес деньги боссу и вышел на заспанную улицу. Перед баром все еще шла оживленная торговля девушками. Он смотрел себе под ноги и дышал пробирающим внутренности утренним воздухом. Было шесть часов утра.

Он шел и думал. Садился в автобус и думал. Ехал и думал, чтобы просто ощущать в себе процесс размышления, что он еще не утратил эту способность.

Сэм вошел в свою комнату, еле держась на ногах от недосыпа и усталости. На столе лежал альбом со студенческими фотографиями. «Вегетарианское детство» - подумал Сэм.

Лег на диван, не раздеваясь. Сны снились отрывистые, сюжеты куцые, люди страшные. Снились также дети. Они показывали на него пальцем и кричали:

- Доктор, доктор!

- А ну пошли отсюда! - кричал на них Сэм. - Я не доктор! Не доктор!

- Ты доктор! Ты гинеколог! - кричали дети.

Проснуться, надо немедленно проснуться! – сквозь сон думал Сэм. Вдруг диван скрипнул. Кто-то протянул к нему руку и погладил лоб, затем встал и произнес: «Я приготовила тебе завтрак, иди покушай». "Мама".

Из кухни доносился приятный запах еды. Сэм приоткрыл глаза - опять сумерки. Ему не хотелось вставать. И начинать все сначала. Он посмотрел в окно - шел снег. «Еще только начало зимы», - думал Сэм.

КАРЛ

Он просто перестал бояться сойти с ума.

Ж. Делез, Ф. Гваттари, Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип.

В первый раз в литературную редакцию меня привел Карл. Он перевел мою драму абсурда на армянский, и мы должны были встретиться с главным редактором журнала «Драматургия». Он назвал мне адрес, и я после лекций поехал в редакцию. Внутри серого мрачного здания редакции располагался бесконечный коридор с дверями, на которых не было никаких табличек или надписей. Мы с Карлом пришли вовремя – но редакторши нигде не было. Мы искали ее, заглядывая во все двери. Через час она появилась. И я словно оказался в «Процессе» Кафки.

Вообще, Карл переводит с английского. Книжки, брошюры. Много текстов. Несколько раз в неделю мотается за тридевять земель в Американский Университет за новой книжкой, чтобы потом, сев на свой старый скрипучий стул, медленно и вдумчиво переводить всю эту хрень.

Ехать в Американский университет приходится на трамвае, через извилистый квартал. Трамвай плетется со скоростью бодро шагающего старичка. Пока конь делает раз-два-три-четыре, ты – раз-два, раз-два. Книжки приходится переводить разные, большие и маленькие, интересные и бездарные. В зависимости от заказа. А если вещь заказали дефицитную, то это значит наверх, на четвертый этаж, в вычислительный зал, где на каждый десяток желающих покопаться в интернете приходится один задроченный компьютер. Но найти компьютер – это полдела, надо еще распечатать.

За этим следуют ночи переводов. Звонки друзей в ночные часы и многое другое, отвлекающее. Болтовня ни о чем. Восстановительный процесс. Жратва и телек. Минут по десять на себя после каждого мучительного сеанса транслята.

У Карла есть девушка. Ну то есть, он считает, что она у него есть. Я видел ее: ничего особенно, если не считать красивые миндалевидные глаза, детские косички и французский берет. В общем, у нее довольно упругая женская фигура с высокой аккуратной грудью. К тому же она носит короткие расклешенные юбочки и у нее ямочка на подбородке. Предмет обожания местных неформалов.

Карл часто рассказывал мне о ней. В то время я был плюс-минус в такой же ситуации. Поэтому между записями нашего авангардного рок-дуэта мы обсуждали своих девушек в гамлетовских монологах. В какой-то битнической книге я тогда

вычитал, что никогда нельзя сильно любить женщину. Что она такого никому не прощает. Но Карл верил, что его девушка его любит, но в силу каких-то своих девчачьих привычек это тщательно скрывает. Мне это тогда тоже показалось логичным. Но как говаривал БГ, «береги свой х».

С ней можно говорить, о чем угодно и как угодно, а главное – где угодно. Она носит очки, хипповая, из интеллигентной семьи, читала всех важных философов и психологов, знает все главные рок-группы.

Когда он впервые мне ее представил, и она как бы невзначай засветила перед нами на лестнице свои бедра, это произвело на меня неизгладимое впечатление. Бедра в будуаре. Я сказал ему, что одобряю его выбор, что ему непременно надо углубиться в ее недра. Но как это бывает в дешевых сентиментальных фильмах, у нее был роман с женатиком. Ей очень нравилась машина женатика, какая-то новая вольва. Она была от нее без ума. Карл частенько представлял, как он с этой мадонной Лаурой тайно занимаются сексом в пахнувшей свежей кожей машине женатика. Трое в жопе, не считая собаки.

Она ищет настоящего зрелого мужчину с густым голосом, а не 20-летнего хипаря-интеллектуала. Она ищет достаток. А как она краснеет, когда кто-то из наших знакомых видит ее с этим престарелым мачо. Но ей очень льстит, что он старше нее на 15 лет, и такой успешный. Он уже не раз говорил ей, что оставит жену и женится на ней, потому что она любовь всей его жизни. Он наверняка это говорит ей всякий раз, как она доставляет ему оральное удовольствие в его новеньком автомобиле.

После каждой встречи с ней Карл болеет, особенно потому, что она всегда дает ему надежду, постоянно поддерживая его эрекцию в работоспособном состоянии. Но обожание и сексуальное напряжение, не нашедшее разрядки, выводит его на какую-то ранее недостижимую стадию страдания.

Как-то, когда он сказал, чтоб больше не сможет с ней видаться, потому что ему бывает хреново после нее, она позволила себя поцеловать. Это было как поцелуй церковной реликвии, которая холодна и никогда не ответит взаимностью.

Видя, как он гибнет, я сказал Карлу, чтобы он переключился на другую девушку, пока эта не довела его до суицида. Он согласился.

Я вспоминаю тот день, когда он привел меня на лекцию по современной американской музыке в свой Институт Языков. Лекцию читал американец, которому за неделю до этого Карл передал кассету с записями нашей группы "Lege Artis". Американец тогда еще представился - John Cheeks и показал на свою щеку, подперев ее языком. У Карла возникли пошлые коннотации, он решил не шутить на эту тему.

Мы с Сэмом пришли на лекцию за час до начала. Сэм, давно не видевший такого количества красивых и ухоженных девушек, вращал глазами во все стороны и напоминал сломавшегося робота. Вообще, после донны Анны Сэму казалось, что красивые девушки вымерли еще прошлой зимой. Мое обучение в инженерном вузе тоже подтверждало эту догадку, в моем универе практически все девушки были похожи на трансвеститов. И я остерегался с ними сближаться.

В актовом зале царила атмосфера полнейшего преклонения перед иностранцами. Несколько потрепанных американцев образовывали вокруг себя кружки из разноплановых девиц. Девушки были в приподнятом настроении и всячески кокетничали с иностранцами. И я все ждал, когда же какой-нибудь американец подарит им блестящие бусы.

Карлу иногда было очень обидно, что значительная часть этих развязных девиц из его института учится на бесплатном отделении, а он в поте лица зарабатывает гроши, чтобы накопить на плату за обучение. Иначе, помимо всего прочего, его забреют в армию. А его родители своими заработками еле покрывали базовые потребности семьи.

Мимо проплыла грудь боинговых размеров. При такой изящности – такая великолепная грудь. Мы втроем проводили эту грудь глазами до поворота, и она исчезла. Весь последующий вечер Сэм говорил только об этой груди, и у меня возникло стойкое ощущение, что он на ней свихнулся.

До лекции американский профессор подошел к Карлу и сказал, что музыка очень интересная и что он попросит оставить нашу кассету себе. Я уже представлял свое имя в зале славы рок-н-ролла, как началась лекция. Он рассказывал про современный американский минимализм. Про Джона Лютера Адамса и Филиппа Гласса, потом он перешел к прибалтийской волне минимализма – Петерису Ваксу и Арво Пярту. Мы слушали его как замороженные, особенно когда он ставил фрагменты произведений, о которых рассказывал. Что ни говори, но Америка – средоточие культурных явлений 20-го века.

Мы вышли из здания универа в районе восьми часов вечера. В городе полным ходом шли приготовления к намеченным на лето празднованиям по случаю 1700-летия принятия христианства в Армении. Кучи туристов и прочей нечисти заполнили бары и кафе. Увеличенные церковные миниатюры на рекламных щитах. Город контрастов – Торос Рослин и культ потребления.

Мы с Карлом и Сэмом, как обычно, прошмыгнулись по букинистическим магазинам, заглянули на вернисаж – и вдруг нам попалась очень высокая красивая девушка в топики на голую грудь. Я, пытаюсь разнообразить вечер, увязался за ней, Карл и Сэм шли за нами.

Я подхожу к ней, находясь на уровне ее груди, задерживаю дыхание, ловлю момент между ударами сердца и говорю «добрый день». Она с внезапно нахлынувшим на нее отвращением отвечает: «I'm married». Я, не сразу врубившись что происходит, пролепетал что-то типа "I'm Sorry". Карл подхватывает разговор: «Why are you so rude?». Они, оказывается, знакомы по Американскому Университету. А она ему: «I hate Armenians!». Мы решили, что к ней, видно, часто пристают, поэтому она не может быть объективна к добросердечному народу Армении. Но она была прекрасна, спору нет.

Еще какое-то время мы провожали ее взглядом. Внимательно наблюдали, как у нее все туго колышется под одеждой. А потом возвратились к своим баранам. Наши гормоны шумели в ушах, как горный ветер.

Книги, которые переводил Карл продавались очень плохо. В местных книжных магазинах он уже воспринимался как городской сумасшедший. И он постоянно стеснялся спросить у администратора о продажах.

"Как там насчет книг, продаются?".

"Вы не скажете, сколько... " – слишком длинно.

"Если что-то из моих книг реализовалось, то..." – неуверенно. Нужно жалостливее. Слезу дайте. Больше музыки в голосе. Вы прирожденный нищий!

Поздним вечером Карл выходит из библиотеки Американского университета. Прихватил несколько книг для переводов. На него со стены смотрит плакат, на котором изображен счастливый человек с трубой, приглашающий на концерт джазовой музыки. Пенсионерам и студентам скидка. Гастрит Карла шумит в животе – бобы, черт бы их побрал! Он возвращается в здание. Заходит в туалет. Несколько американцев курят у окна. «Знал же, блин, куда я сунул левомецетин», – думает Карл. Старается сильно не шуметь в кабинке и получает инфаркт жопы.

На следующий день после лекций он забегает в букинистический магазин. Мелкая дрожь в ногах и трепет в руках. Разглядывает полки. Где же его книга? Он обходит все книжные ряды. Неужели все продалось! Скорее всего они запихнули ее в самый конец. Что за ерунда! Если сегодня он не получит денег, завтра – у него не будет денег даже на транспорт.

- Простите, вам помочь? – спрашивает новенькая продавщица. Мимо, громко стуча, проезжает трамвай.

ЭД

Наше личное бытие во всех отношениях принижено.

А. Швейцер, Культура и этика.

Почти каждую ночь Эду мерещилось, что он снова в армии, лежит, накрывшись одеялом с головой, на своей армейской койке и слышит, как офицеры шныряют по казарме, подыскивая, кого бы избить до полусмерти в эту ночь.

Эд открыл глаза. Рядом с ним сидела девушка. Она ласково смотрела на него и тыльной стороной кулака гладила ему спину и плечи. Он чувствовал на своей спине что-то чужое. Иностранное. Которое, возможно, заснуло. А может, просто отдыхало или думало, вспоминало, дышало, мечтало, замирало. Рядом на столике дымился крепкий красный лечебный чай. Обильное питье и свежие платки. Эд ощутил теплое пульсирование ее рук, шмыгнул носом и поцеловал ее в пухлые губы. У нее были небольшие усики, но, как мы знаем, никогда нельзя делать комплимент женщине насчет ее усов, насколько красивыми они бы ни были.

В магазине сантехники только начинался рабочий день. Эту романтическую пару окружали одни унитазы. Ближе к витрине стояли умывальники и душевые кабинки, у двери – краны и сифоны. Он менеджер. Унитазных дел мастер. Она не работает. Поэтому приходит его навестить. Она вообще очень рьяно взяла над ним шефство, но он всячески упирался.

Эд сидел возле электроплиты, грел руки и подставлял спину той, которая знает, что с ней делать. Она ластилась, как кошка. Было тепло и тихо.

- Ты сегодня допоздна? – спросила она.

- Да. Конец месяца, надо выполнить план, буду сидеть до упора.

- Но я буду скучать, - проникновенно глядя ему в глаза, сказала она.

- Не скучай, завтра я весь день свободен, - говорил Эд, разглядывая унитаз из новой поставки.

На следующий день было мягкое весеннее утро. Эд одернул занавеску и потянулся, распрямляя позвоночник. Он прошелся по комнате, обклеенной постерами с Миком Джаггером, обошел квартиру, и опять бросился на кровать. Дома никого. Можно поспать еще. Но какое-то светлое еще советское чувство подняло его с постели и подвело к чайнику, который пришлось включить. Параллельно жарились гренки, а из холодильника глядела дорогушая импортная колбаса. Позавтракав, Эд решил пополнить запасы сигарет. Для этого надо было спуститься вниз на остановку в ларек. Девятый этаж. Лифт не работал уже несколько лет. Поэтому

спускался он в лучшем случае раз в день. Раз уже его потенциальная энергия перешла в кинетическую, то придется еще и прогуляться. Он шел по мосту, соединяющему два микрорайона, и думал о том, что он не готов жениться. И вообще не готов жить взрослого ответственного человека.

Через какое-то время пришли родители. Они спросили, не нашел ли он чего-то стоящего в плане работы в офисе. Эд ответил, что пока нет. Конечно, он видел, как они работают на износ, выкладываются и в выходные, и в будни. Но он уже начал им помогать, хотя он стыдился своей работы. Не такого он ожидал от жизни после получения диплома инженера.

Эд пошел к себе, плотно закрыл за собой дверь и закрыл глаза. Зазвучал магнитофон. Перебор на гитаре. Щелканье выключателей. Тихие внутренние голоса. Он лежал с открытыми глазами. Легкий ветерок с балкона всегда помогает, когда балансируешь между сном и явью. Но на всякий случай балкон надо закрыть.

По моему совету Эд ходил в библиотеку. Потому что только книги позволяют примирить нас с самими собой. И в этот раз он решил сходить за новой книгой. У входа в библиотеку стоял милиционер, который многозначительно ковырялся в носу и, сконцентрировавшись на ощущениях, вращал во все стороны черными неумными глазами.

Он взял книгу с избранными работами Фрейда и пристроился у открытого окна, чтобы звуки с улицы заглушали непроизвольное урчание его желудка. Книга была ветхая. Времен Александрийской библиотеки. После бесконечных марксов и энгельсов в армейской библиотеке, Фрейд было струей свежего воздуха.

В книге он нашел женскую закладку, от нее приятно пахло, и вдруг ему в голову пришла мысль написать ей записку. И она написал ей послание о том, что он ждет встречи с девушкой, у которой хороший вкус на закладки и которая наверняка умненькая, раз читает Фрейда.

По радио сообщили, что уже 15.00. Перерыв окончился, пора открывать входную дверь. Эд резко отогнал последние мысли о фрейдистке и открыл дверь магазина. Вошло несколько клиентов.

-Дядюшка Мокус, а можно я запушу в них грязью?

-Нет, бамбино. Да, они плохие люди, но у них могут быть хорошие дети, которые наверняка любят цирк.

Эд встает и подходит к стенду со смесителями. Какая-то крупная пожилая женщина с пышной прической заговорила с ним зычным противным громким голосом – и он пошел на склад за товаром.

ПРОФЕССОР

У нас есть искусство для того, чтобы не умереть от истины.

Ф.Ницше, Воля к власти.

Я постучался к профессору и приоткрыл дверь. Мне дали знак подождать немного. Я встал у двери. В соседних аудиториях сдают экзамены. Аспирантура, 1-ый курс. Я уже не студент, но еще и не преподаватель. По-хорошему, мне надо искать нормальную работу, но я пока еще не научился изымать себя из университетского контекста. А в другом я себя и не представляю.

До этого я был на английском. Рассказал о том, как провел зимние каникулы: никак. А до английского у нас было собрание в актовом зале Аспирантской Школы. Лысый русскоязычный академик, говорящий по-армянски с большим акцентом, желтый, как рукописи в Матенадаране, вещал о возможностях автоматизации научных исследований. Я слушал его бессмысленную лекцию и думал о том, что боюсь дальнейшей жизни. Я закончил школу, потом университет, потом магистратуру, теперь я в аспирантуре. Что я буду делать дальше? Работать на кафедре за нищенскую зарплату или займусь чем-нибудь более денежным.

Мой профессор приучил меня все подвергать сомнению. У него была сильная научная школа: он долгое время работал в Новосибирске в Академгородке. Мы с ним общались на равных, и всегда делились своими научными идеями. Он всегда искренне радовался, когда я находил контраргументы его тезисам. Я многому у него научился. Он всегда следил за всеми передовыми научными исследованиями в совершенно разных отраслях научного знания. Уже в те годы он мне рассказывал о нейронных связях и искусственном интеллекте. Но самый главный его урок, который я усвоил: никогда не останавливайся на достигнутом, двигайся дальше, изобретай новые способы, подходы, не почивай на лаврах.

Однажды он мне рассказал удивительную историю. Это случилось во время энергетического кризиса и блокады. Его жена и дочь возвращались от соседей, живущих на верхних этажах. На лестнице было очень темно. Фонарь светил очень тускло. Дочь поскользнулась и упала, ударившись глазом о перила. Он выбежал на ее крик и увидел, что она придерживает истекающий кровью глаз. Она кричала, что глаза больше нет. Ее увезли в больницу. Профессор, сходя с ума, разогнал соседей и оказался в полной темноте. Полночи он провозился с фонариком на лестничной площадке, пытаясь найти глаз. Но так ничего и не нашел.

У него где-то были припрятаны сигареты, и он сказал, что выкурил подряд всю пачку. А потом сел на ступени и заплакал. Я очень удивился его рассказу, потому что обычно он был очень сдержанный, и он был очень авторитетный в университете заведующим кафедры. Но эта его история заставила меня увидеть в нем не только ученого, но и настоящего человека.

Я захожу к профессору и сажусь за стол, на обычное свое место. Достāju написанную на днях статью.

- Написал?

- Да, вот, посмотрите.

Он долго и внимательно вчитывается. Потом отводим взгляд от статьи, внимательно смотрит на меня и говорит: «Тебе надо больше работать над собой, это не научная статья, а всего лишь средненький обзор. Подумай и напиши заново. С мыслью. Проблематика надумана. Не расстраивайся, дерзай дальше. Не все сразу. Отшлифовывай мысли». Я выхожу от него в полной прострации. Мне казалось, что я понял, как написать научные статьи, я писал эту статью две недели, перечитал кучу книг и статей. Но раз он говорит, что в моей статье нет ни одной стоящей идеи, то надо работать дальше, надо становиться ученым.

Раньше я думал, что художественное мышление очень похоже на научное. Но, оказывается, нет: художественное мышление может не иметь никакого отношения к анализу реальности.

Через несколько дней я столкнулся в коридоре с деканом факультета внешнеэкономических связей. Он попросил зайти к нему после обеда. Ну, думаю, предложит какую-нибудь интересную высокооплачиваемую работу. Хотя бы на полставки. После обеда я зашел к нему, и он сказал, что к нему попал новый пакет эконометрических программ. «Классная вещь, как раз по теме твоей диссертации» – панибратски сказал он. Я сделал вид, что очень доволен, и именно об этом всю жизнь и мечтал, и попросил разрешить мне использовать этот пакет для моей диссертации, так как это мне жизненно необходимо. И хотя предмет экономики мне так же не понятен, как и причины возникновения вселенной, я должен дописать диссертацию. Я не должен попасть в армию!

Я вышел на улицу, на воздух. Птицы беспечно щебетали, им не надо было ежегодно получать отсрочку в военкомате и долгими годами сдавать всевозможные экзамены. Одна из птиц подлетела ко мне и села на асфальт. У нас все будет хорошо, дружок, обещаю.

ГОГА

Любви моей не опошляй согласьем.

В.Вишневский

Впервые я увидел ее на университетском дворе в первые дни своей учебы в универе. Она была восхитительно красива, стройная, высокая, с очень красивыми черными глазами и волосами. У нее была белая кожа и красивая грудь. Когда я ее видел, мне становилось трудно дышать. Я словно сталкивался с каким-то необъяснимым феноменом, источающим колоссальную энергию.

Она была очень породиста, дочь одного из наших преподавателей, я не пытался с ней заговорить, я не смел к ней прикасаться. Я хотел, чтобы этот сон продолжался вечно. Я не испытывал к ней вожделения, нет, я только смотрел на нее и получал совершенно не знакомое мне прежде удовольствие. Эстетическое удовольствие. Так смотрят на цветы или пейзаж.

А она встречалась с разными парнями. Я видел, как она проходит мимо, и чувствуя мой взгляд, робко поглядывает на меня своими глазами юной антилопы. Я пытался на расстоянии ощутить ее аромат, и чувствовал, что она нематериальное создание, просто мечта.

Когда наступила весна, и я увидел ее в короткой юбке и красивом декольте, гуляющей в парке со своей подругой, высокой массивной девушкой с широким тазом, - я не смог удержаться и подошел к ней, чтобы познакомиться. Я подошел прямо к ней, она снова подняла свои глаза на меня, а я потерял все слова и начал лепетать что-то невразумительное. Ее подруга с ухмылкой посмотрела на меня и на мои подтяжки, в которых я тогда ходил, и спросила, не заблудился ли я. А я вдруг снова посмотрел на объект моего обожания, набрался смелости и сказал: «Меня зовут Эмиль. Я хотел бы с тобой познакомиться. Как тебя зовут?». «Мы не знакомимся» - сказала ее подруга. «Я не с тобой разговариваю, девушка, я говорю с вашей подругой. Она очень красива. И я не могу этого ей не сказать» - совершенно спокойным голосом вдруг сказал я. «Она это и так это знает» - сказала ее подруга.

Она протянула мне руку, улыбнулась и коротко сказала: «Гога».

Я схватился за ее руку, как за спасательный круг. Она действительно существует, это материальное существо со своим голосом и биографией, это не плод моей фантазии. «Может, ты отпустишь уже мою руку» - улыбаясь, сказала она. «Да, да, конечно», - смутился я и спешно ушел, даже не взяв ее номера телефона.

Я еще долго вспоминал ее красивый проникновенный взгляд. Но, как говорил Буковски, она была слишком хороша для этого мира, и я даже не надеялся когда-нибудь быть с ней.

Через неделю начинались каникулы, и я все время думал о том, что хочу ее увидеть. Сэм сказал, что раз уж у меня нет ее номера телефона, то мне нужно разузнать, где она живет, и пойти к ней домой.

Через знакомых знакомых я нашел ее адрес, и мы с Сэмом пошли к ней. Она жила в самом центре, на проспекте Саят-Новы. Я мысленно чертил расстояние к ней от своего жилого массива, расположенного далеко за линией горизонта, и понимал, насколько мы далеки. Перед подъездом я остановился, и уже хотел отказаться от своей затеи, но Сэм сказал, что у меня, как у настоящего хиппи, не должно быть комплексов, и потом, я не должен стесняться своих прекрасных чувств.

Я набрался смелости и постучал в дверь. Дверь открыла ее мать и удивленно уставилась на меня.

- Вам кого?
- Добрый день, можете позвать Гогу?
- Она спит, - сказала мать.
- Но мне очень нужно с ней поговорить.
- Ну заходите, сказала мать.

Я прошел в большую светлую гостиную, увешанную разнообразными пейзажами. Через пару минут в комнату вошла заспанная Гога. Она поправила волосы и удивленно посмотрела на меня: «Что ты здесь делаешь?».

Я смотрел на ее ненакрашенное, но по-прежнему прекрасное лицо, проникновенные черные глаза - и словно заглядывал в беспросветную бесконечную бездну. Из-под ее легкого летнего халатика выглядывала высокая упругая грудь, а когда она садилась на диван, то невзначай обнажила свои крутые девчачьи бедра. Будто целый мир выключился из сети, пока я внимательно ее разглядывал. Я словно заново учился говорить.

- Я хотел бы пригласить тебя куда-нибудь, - с огромным трудом выдавил из себя я.
- Куда?
- Куда захочешь.

Она улыбнулась, ее волнение куда-то исчезло, и она согласилась. Я взял у нее номер телефона и ушел. Мы договорились созвониться.

БА

Сюда не проникает ни солнце, ни ветер, ни дождь, ни пыль.

А.Роб-Грийе, В лабиринте.

Сейчас я нахожусь в комнате моей Ба. Теперь здесь живу и я. Сначала заболела Ба. Потом Дед.

Когда-то Достоевский говорил, что «дальше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно! кто живет дальше сорока лет, - отвечайте искренно, честно? я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут! Я всем старцам это в глаза скажу, всем этим сребровласым и благоухающим старцам! всему свету в глаза скажу! Я имею право так говорить, потому что сам до шестидесяти лет доживу до семидесяти лет проживу! до восьмидесяти лет проживу!». Это ровно то, как я отношусь к старости.

Ба восстанавливалась после воспаления легких. Она никого не узнавала, и очень сильно похудела. Обычно во время сна она бредила на бытовые темы, особенно про то, что кто-то снова украл ее новые простыни из шкафа. Дед долгое время таскал ее, обессиленную, в туалет. Позже оказалось, что у самого Деда злокачественная опухоль в мочевом пузыре. Он лег в больницу.

Мама ухаживала за Дедом в больнице. Она готовила еду и бегала к нему, чтобы заплатить за новые лекарства и капельницы. Шприцы, антибиотики, всевозможные процедуры - больница сжирала весь наш семейный бюджет.

Мой отец иногда подменял маму в больнице. У Деда с Ба прямо в квартире стояла большая дровяная печь. Пока Дед лежал в больнице папа часто колол дрова для Ба, три раза в день топил печь, мотался за продуктами.

Деду нужно было сделать две операции. Лечащий врач ознакомил нас с прейскурантом. Сумма была астрономическая, и хотя лечащий врач потом немного скинул стоимость операций, нам пришлось назанимать очень большие деньги.

Но мы выложились на максимум. Сделали возможное и невозможное. Я сидел с Ба и приглядывал за ней, как некогда она в детстве приглядывала за мной. Все это время я наблюдал угасание ее сознания. Она ничего не помнила, все ее когнитивные возможности исчезли, как будто их никогда и не было. А ведь это она меня научила читать и писать. Она со мной изучала детскую энциклопедию и подолгу рассказывала о строении Солнечной системы.

Ба звала меня, и я бросался к ней со всех ног. Единственное, что она помнила, так это то, как меня зовут. Ей нужно было то в туалет, то погулять по квартире, то

поесть, то попить, то включить ей свет, то выключить свет, то поправить матрас и т.д. и т.п.

Я смотрел, как она со счастливым видом не пила, а лакала молоко из миски, с нездоровыми розовыми щеками и обращенным вовнутрь взглядом – и это сводило меня с ума. Она роняла голову на плечо и засыпала. Часто дремала в кресле. Иногда даже в туалете.

Я выковыривал для нее из хлеба мякиш, и она макала его в молочко. А уходил на балкон и читал оставшиеся в квартире детские книжки моего двоюродного брата-дошкольника. Маршак, Чуковский, Житков, Успенский, Булычев и т.д.

Всю свою прежнюю жизнь Ба была бодрой и очень активной. Она была невысокого роста, никогда ни на кого не повышала голос, но при этом умела держать нашего авторитарного Деда в ежовых рукавицах. Она очень вкусно готовила, и на ней всегда держался весь дом.

Но теперь, когда болезнь сделала свое черное дело, я перестал ее узнавать. После болезни она очень плохо ходила, и мы с ней ходили по полчаса в день: она хватала меня за разведенные руки, и мы медленно шли.

Моя румяная старушка превратилась в малоподвижное примитивно реагирующее на речь существо, которое я наблюдал с глубоким отчаянием. Так проходит слава земная.

Ее совершенно не узнавал: постоянные отрывки, хрупкие суставы и отстраненные глаза. Что же случилось с этим прекрасным человеком? Ей еще нет восьмидесяти. В ее глазах я не видел ни отчаяния, ни страдания, ни борьбы, ни страха, ни внутреннего потрясения – одна лишь диффузия сознания, беззащитность и физиологическое фиксирование боли.

Я впервые ясно осознал, что тело – это механизм, и он может изнашиваться. В данном случае, я считал, что Ба в каком-то смысле повезло, потому что ее тело изнашивалось одновременно с сознанием.

Позвонила мама, сказала, что сегодня она не успевает сегодня к Деду, и мне придется зайти к нему в больницу. Я всегда очень боялся больниц. Но тут не было другого варианта, мне надо было принести ему еды.

Больничные коридоры с тусклым освещением, напоминали чистилище. Повсюду запах лекарств и болезней. Врачи в белом, как ангелы, и инфернально выглядящие больные, как бесы. Я зашел в палату Деда.

Он лежал среди других стариков, находящихся в астрале, где-то на границе Млечного пути и Галактики Андромеды.

Дед долго беззащитным хриплым голосом рассказывал мне о своих болячках. Куда подевался его авторитаризм, когда он муштровал меня в детстве, по какой-то необъяснимой причине, не разрешая мне выходить на улицу, чтобы поиграться с детьми, наказывал за любую провинность, лишая возможности смотреть телевизор на день, а то и на целую неделю!

Зашла медсестра, и я по совету матери положил ей в карман деньги. Она заглянула в карман и кивнула мне в знак одобрения.

Дед всем в больнице рассказывал, что я учусь на пятом курсе аспирантуры. Я пытался было объяснить ему, что пятого курса аспирантуры не существует. Но для недалекого деревенского человека солдафонских наклонностей, это было абсолютно бесполезно.

Напоследок Дед рассказал мне один из его коллекции наиболее тупых анекдотов. Я сделал вид, что мне смешно, а старики рядом в палате вдруг неожиданно вышли из коматоза и начали ржать, как кони. Я оставил их в хорошем расположении духа.

Когда я пришел к Ба, то застал ее у окна. Она смотрела вниз на играющих на футбольной площадке ребятишек – и искренне, от всей души смеялась. Я разогрел еду и позвал ее покушать. Но она не отреагировала. Она просто смеялась. Потом вдруг она перестала смеяться, посмотрела на меня серьезным, абсолютно разумным взглядом. Ее разум на мгновение полностью просветлел, а затем она снова повернулась к окну и продолжила смеяться. Через год она умерла.

ХАЧ

Если бы честность была выгодной, то все были бы честными
Томас Мор.

У американского посольства развернулась многомерная очередь. Мы с Эдом находились в тессеракте возле офиса американского агентства, которое занималось легализованной перекачкой мозгов в США. Мы мечтали поскорее спуститься с пальм и уехать из банановой республики, в которой жили.

В актовом зале офиса нам прочли лекцию на тему “How to write Statement of Purpose”. Это очень нам напоминало то, как мы с Эдом ходили устраиваться на работу в «очень престижную иностранную компанию», которая потом оказалась помесью секты и сетевого маркетинга. Там мы тоже сидели в актовом зале и под музыку «Simply the best» слушали о фантастических успехах сотрудников компании.

Мы набрали всевозможных бланков и пошли собирать документы. Спустя неделю напряженной работы по сбору справок, документов и нотариальных переводов, мы с самого утра в ипподромном пылу несем документы в американский офис.

В офисе вместе с нами ждут своей очереди триста сорок четыре тысячи пятьсот двадцать восемь человек. Вызывают по одному. К вечеру какая-то аспирантка из брюсовского института записывает мои анкетные данные и забирает мои документы. Я делаю ей абстрактный комплимент, чтобы повысить свои шансы. Но она злобно фыркает и относит мои бумажки в конец комнаты. Затем она с пренебрежением бросает их на расползшуюся кучку и говорит, что я свободен.

Мы вышли из этого разноцветного американского офиса, и я вспомнил слова Бенни Хилла: «Я конечно не бог весть кто, но и не черт знает что!». В тот день мне надо было выйти на работу, которую мне нашла мама.

Дебильная, конечно, была работа, но раз уж родителям так спокойнее, то я просто выполнял их волю. Я просто ходил по всем известным офисам и предлагал специализированные книги по юриспруденции и экономике. У меня был каталог и я был кем-то вроде продавца книг. Книги плохо брали, но я хотя бы покрывал свои карманные расходы, так что в целом этой ерундой какое-то время можно было заниматься.

Как-то начальница отправила меня в министерство энергетики к какому-то начальнику управления по фамилии Хачатрян. Она сказала, что ему нужно закупить огромный список книг по государственному управлению, поскольку в

министерстве формируется специальный административный комитет, а тема эта для его членов недостаточно изученная. Хачатрян или Хач, как я его называл, был невысокий самоуверенный пижон с типичными признаками чиновничьей болезни и умственной деградации на лице. Я познакомился с ним, и он произвел на меня в целом скорее положительное впечатление.

Но до того, как меня впустили в его обшитый тяжелым красным деревом кабинет, я промариновался в его приемной почти два часа. Пришлось все два часа наблюдать за примитивнейшими действиями его секретарши в просвечивающей блузке, из-под которой торчали острые, как бритва, оттопыренные соски. Все, как всегда: компьютер в качестве игрового автомата, пилка для ногтей, звонки подружкам и календарь с изображением распухшей от искусственной еды косматой собачки.

Она часто варила ему кофе и суетливо убегала в его кабинет. Затем она в абсолютном спокойствии выходила и властно смотрела на меня.

Наконец подошло мое время, и меня вызвали к нему вызвали. У него был гигантский кабинет с очень тяжелой аурой. На столе стояла фотография его семьи, купающейся где-то на море.

Я показал список книг, и почему-то сильно смутился, говоря о ценах. Он внимательно его изучил и выбрал 10 книг. Я сказал, что сделаю ему хорошую скидку. Он снисходительно улыбнулся, типа, ему эта скидка особо не нужна. Он попросил меня подготовить договор, чтобы оплата была через перечисление. Я понял, что он не хочет раскошелиться, и пытается все эти незначительные для него расходы повесить на министерство. На том и порешили. Я заполнил договор, составил счет и товарный чек, отдал все ему, пообещав привезти все книги завтра. После этого я вышел на свет. Он разговаривал со мной снисходительно, с такой интонацией, чтобы я максимально почувствовал свою ничтожность. Как литератор меня раздражают, как человек с предрассудками я оскорблен.

На следующий день я привез книги и передал его секретарше. Пот тек с меня градом. Я вез все это счастье на автобусе, а потом пешком прошел два квартала до министерства. Секретарша подписала мне накладную и я пошел залечивать раны мороженым, которое продавалось прямо у здания.

Прошло несколько месяцев, и я практически забыл об этой «сделке». У меня начался период бесконечных экзаменов, и я ничего не продавал. Но в один прекрасный день моя шефиня, добрая душа, наконец, решила напомнить мне об этом досадном проколе. Деньги за книги так и не перечислили.

Я очень удивился и был очень раздосадован. В тот же день я полетел к Хачу. Я снова попал в его дебильную приемную и дожидался приема. За секретарским столом сидела все та же девушка, но уже в другой просвечивающей блузке и бесстрастно подпиливала ногти. Спустя время пришли ее подруги из других

отделов, такие же секретарши. Начался невыносимый одноклеточный разговор. Я сидел и ждал, я хотел разрешить ситуацию сегодня. Когда же дело дошло до окончания рабочего дня, я встал и попросил еще раз спросить насчет меня. «Он еще не освободился» - сказала секретарша, возвращаясь от него. Я попросил ее напомнить ему насчет необходимости оплаты книг. Она кивнула.

Дни шли. Перечисления как не бывало. Плюс я томился на медленном огне от несчастной любви. Девушка, которой я восхищался и посвящал стихи, оказалась абсолютно равнодушна к проявлениям моих чувственных порывов. Более того, ей было абсолютно наплевать на меня. Учитывая обстоятельства, я, будучи человеком критичным и критическим, осуществил несколько неудачных попыток стереть ее из памяти. Поэтому вопрос неоплаченных и висящих на мне ярмом дорогуших книг доводил меня до отчаяния.

Спустя несколько дней мне вернули все эти книги, заведомо отксерокопировав каждую и, соответственно, напрочь лишив их товарного вида. Мне даже не сказали спасибо. Я забрал тяжелые пакеты с образовавшейся вместо книг макулатурой и вышел из здания. Мимо пробежала собака и удивленно посмотрела на меня. Да, бобик, мир несправедлив. И нам надо как-то научиться с этим жить.

На следующий день я получил стипендию, купил водки и позвал в гости Карла и Сэма. Мы много пили и рассказывали каждый о своих проблемах. Кард рассказал про свои кроссовки, которые при ходьбе издают странный звук испускания газов, а Сэм вспомнил о своих промокашковых брюках, на которых любая случайно попавшая капля воды превращается в гигантское несмываемое пятно. В результате, мы пришли к выводу, что мир никогда не перестанет нас удивлять. И это прекрасно.

ЕРЕВАН

*Печальный мир!
Даже когда расцветают вишни...
Даже тогда...*

Исса Кобаяси.

Из города А в город В выехала семья. Человек жил в городе А около двенадцати лет, но родился в городе В. Город В не хочет принимать жителей города А. Спрашивается, через какое время семья адаптируется?

Во все времена были люди, вынужденные спасаться бегством из города, в котором счастливо жили. В Ереван мы переехали из Баку. Но быть беженцем из Баку в Ереване тех лет было немногим лучше, чем быть армянином в Баку.

Помню тот день, когда я в Баку ехал в автобусе и зашли какие-то люди, которые спрашивали, есть ли в автобусе армяне. Мне было 10 лет, я ехал со своими друзьями из музыкалки домой. Мы смеялись и шутили, поэтому я не обратил внимание на вопрос этих странных людей, зашедших в автобус, и воцарившуюся в автобусе после вопроса тишину. Потом эти люди вышли, и мы продолжили с друзьями смеяться, рассказывая разные истории про динозавров, вроде Кинг-Конга, которые могут напасть на город и всех съесть, и начнут, они конечно же, с директрисы нашей музыкальной школы.

Я рассказал эту историю дома за ужином. Помню, как мои родители внезапно замолчали. А потом папа сказал, что завтра мы с братом не идем в школу. Мы с братом обрадовались. И хотя я понимал, что в городе что-то происходит, мне казалось это странной, но веселой игрой.

На следующий день папа отвез нас к родственнице на дачу. Она была замужем за очень высокопоставленным чиновником титульной нации, и родители понимали, что к нему на дачу никто не сунется. Но когда отцу на работе прокололи все шины, он решил, что нам надо перебираться к родителям мамы в Ереван.

Отец заехал к нам домой, собрал вещи, потом заехал к нам на дачу, забрал маму, меня и брата, и мы поехали в аэропорт. Аэропорт напоминал осажденную крепость, на подъездах к нему стояли бронетранспортеры и солдаты с автоматами. Мы кое-как нашли место на парковке и прошли в здание аэропорта, больше напоминавшего ноев ковчег. Огромное количество людей, скитающихся по аэропорту в поисках билетов, некоторые спали на чемоданах и на куртках на полу.

Билеты на рейс в Ереван купить не удалось, и мы с братом и мамой в ту ночь спали в машине, а на рассвете папа пришел к нам и сказал, что ему удалось купить

билеты. Он должен был остаться, чтобы попытаться продать наши частные дома – наш и бабушкин. Отец всегда выглядел с иголки, но в тот день я впервые увидел его в таком небрежном виде, небритым, в мятой одежде.

Мы прилетели в Ереван утром. Когда мы приземлились, помню, как стюардесса по громкой связи сказала: «Добро пожаловать на родину!». Многие плакали. Мы тоже думали, что теперь мы в безопасности, и у нас все будет хорошо, не осознавая, что начинается самый мрачный и самый тяжелый период в жизни нашей семьи.

Мы жили у бабушки с дедушкой. С нами жила куча родственников, приехавших в разное время из Баку. Мы спали на полу. Родители мамы оказались не очень рады нашему приезду, хотя мы делали все, чтобы причинить им минимум неудобств. Но Дед всегда находил, к чему придраться и за что наказать.

Спустя полгода приехал отец. Он за копейки распродал наши дома и имущество, а потом, погрузив оставшиеся пожитки в машину, рискуя жизнью, приехал в Ереван. Начались поиски жилья. Цены на жилье в Ереване взлетели до небес. Наших денег от продажи двух больших частных домов в центре Баку едва хватило бы на однокомнатную квартиру на окраине Еревана.

Через год, когда мы уже были в отчаянии, а отношения с родителями мамы вошли в стадию ежедневных скандалов, подвернулся вариант квартиры на окраине, мы за него ухватились и заняли денег у всех, у кого могли.

Помню первый день в новой квартире, которая нуждалась в капитальном ремонте, но в которой мы могли себе позволить только покрасить стены. Мебели не было, поэтому мы лежали всей семьей на матрасах на полу и не могли нарадоваться нашему счастью.

Пропущу ад моих попыток адаптироваться к моему новому положению, кочуя из школы в школу, из класса в класс. Скажу лишь, что из мальчика, росшего в зажиточной интеллигентной семье в центре города, поющего в хоре мальчиков при филармонии, я превратился в нищего, чья семья жила на окраине, в одном из самых неблагоприятных районов города, и у которого не было даже сменной обуви, потому что ее не на что было купить.

Но мне повезло с друзьями, я всегда находил людей, которые тянулись ко мне и которые сами мне были интересны. В моем окружении таких людей всегда было предостаточно.

Из школы я хорошо помню один инцидент. Мы учились в другом районе, потому что к тому моменту русских школ в городе осталось совсем немного. Нас с братом, как и многих других учащихся русской школы, периодически задевали придурки из близлежащих армянских школ, в которых массово учились вполне себе

криминальные элементы, исповедующие воровские понятия. То и дело мы слышали, как пырнули ножом очередного нашего знакомого.

Как-то утром перед школой младший брат мне сказал, что какие-то старшеклассники из армянской школы хотят с ним побазарить. После школы я с братом поговорили с этими джентльменами. Оказалось, что они хотели, чтобы мы ежемесячно платили им, за то, что они нас не трогают. Я им сказал, что нам нужно время подумать. А перед глазами у меня стояла сцена полугодовой давности, как одного моего одноклассника эти же уроды ударили ножом за гаражами, после чего он проходил долгую реабилитацию и уехал с концами учиться в Ленинград.

В тот же вечер я рассказал обо всем отцу. На утро мы с ним пошли в школу. Он взял с собой маленький топорик и положил его за пазуху. Этот же топорик лежал у него в машине под креслом все смутные месяцы в Баку. Подойдя к школе, мы не нашли этих уродов, но я знал адрес одного из них. Мы с отцом пошли прямо к нему домой.

Это было шестнадцатизэтажное здание без лифта, лестничная клетка была запроектирована без естественного освещения, поэтому весь путь на 8 этаж мы поднимались наощупь. Дверь открыл какой-то седой жирный мужик в инвалидном кресле. Мы зашли, обстановка в квартире была крайне убогая. Отец сказал ему, что его сын наезжает на меня с братом, потом отец добавил, что он не для того вывозил своих детей из Баку, чтобы какие-то уроды их прессовали на родине. Жирный мужик сказал, что у него 6 сыновей и за всеми не уследишь, он пообещал, что его сын и его друзья нас не тронут. Отец сказал, что ему терять нечего, поэтому если нас все-таки тронут, то отвечать будет этот тип лично и по полной программе.

На следующий день я пошел в школу, и помню, как на уроке истории армянского народа в класс заглянул этот ублюдок и попросил меня выйти. Учитель сказал, что урок скоро закончится, и чтобы он подождал. Это были одни из самых страшных 5 минут в моей жизни. После урока все начали выходить из класса, и я помню, как наклонился завязать шнурки, а сам думал, как выпрыгнуть из окна. Но подумав, что если спрыгну, то точно переломаю себе ноги, я вышел к этим диким ребятам.

Урод смотрел на меня с нескрываемой злобой. Он сказал мне, что так не делается, что я, как девочка, побежал жаловаться родителям. Я сказал, что я сделал все, что в моих силах, чтобы меня и моего брата не трогали, и я считаю, что поступил правильно. «Ну, ну» - сказал он и ушел вместе со своей кодлой.

После покупки квартиры заболел отец, у него открылась язва желудка. Родители уезжали в Москву на операцию отца. Новые долги. СССР распался, что привело ко всеобщей ненависти ко всему советскому, а заодно и русскому. Не счесть, сколько раз нашей семье делали замечания в транспорте, что мы говорим не по-армянски, а по-русски, и что нам надо было ехать в Россию, и что только там нас ждут, а здесь мы не нужны, потому что мы не настоящие армяне, а «перевернутые».

Родители вернулись из Москвы через полгода, все это время мы с братом были предоставлены сами себе, покупали продукты, занимались хозяйством. Отец еще не полностью окреп, но нам надо было расплачиваться с долгами, поэтому надо было продавать дефицитные конфеты, которых родители привезли два чемодана из Москвы.

Каждое утро мама будила меня и просила пойти с отцом - помочь с конфетами. Отцу нельзя было после операции таскать тяжести, поэтому я старался взять побольше груза. Машину мы давно продали, а на вырученные деньги закрыли часть долгов за квартиру. Поэтому мы съездили по яйцу и уходили на перехват первых утренних троллейбусов.

Было еще совсем рано, когда мы выбирали место на рынке. Все места были заранее распределены – нас постоянно пытались прогнать с насиженных мест, но отец всегда договаривался, и нас оставляли. Мне было 14 лет, и в школе я был очень востребован у девочек. Но на рынке я видел много хорошо одетых симпатичных девочек, которым я был совершенно безразличен. Я был на дне.

Отца сильно смущала эта торговля, поэтому он комплексовал, к тому же плохо говорил на армянском, волновался, путался. И это влияло на наши продажи. Он постоянно снижал цену. В результате на третью неделю мы все распродали.

В тот же вечер мы накупили мяса и устроили пир, пригласили соседей. Все долги за поездку закрыть не удалось, но оставалось же совсем немного. Мы выбрались из очередной западни и довольно переглядывались за столом. Город готовил нам новые испытания. И мы набирали сил.

НЕЛЮБОВЬ

*Зачем в такой дали блестят долины рая,
Где вечная любовь и вечный аромат,
Где можно все и всех любить, не разбирая,
Где дни блаженные невидимо летят?
Зачем в такой дали блестят долины рая?*

Ш.Бодлер, Цветы зла

В тот год я влюбился в сестру своего приятеля. И весь период влюбленности меня не покидало чувство, что я умираю. Я копил деньги со своих дней рождения и накопил 5 долларов. Что можно сделать на эти деньги? Кутить! И я, не раздумывая, позвонил предмету своего обожания.

Набираю номер. Руки дрожат. На том конце провода взяли. Прошу ее. Рада? Холодное “очень”. Пойдем куда-нибудь погулять, в кафе, а потом филармонию? Занята, готовится к экзамену. Что в переводе, несомненно, означает «иди на хер». Что ж попробую еще раз, через несколько дней. Только бы до этого времени не истратить эту астрономическую сумму!

Но все-таки в воняющем горелой резиной автобусе еду в филармонию на концерт Авета Тертеряна. Среди чесночно-алкогольного перегара и заплесневелых старушечьих глаз.

Получилось так, что ее я знал почти с детства. Вначале никакого чувства, даже – никакого намека на чувство. Потом она росла. Росла и хорошела. Наливалась соками, как румяное молодильное яблочко. Где-то в конце первого курса универа я прозрел. Болею. Хочется, чтобы она возилась со мной, как с грудным ребенком: бегала за мной и насильно предлагала свою юную упругую грудь, а я капризничал.

Никогда после я не был так счастлив своим унижительным положением, как тогда, когда я был влюблен. Нет ничего унижительней испытывать на себе попытки понравиться кому-то другому. Человек меняется, и начинает жить только одним, по сути, посторонним человеком. Любовь – это начало конца.

Я зашел к ней. Она согласилась меня принять. На аудиенцию было отведено полчаса. Мы поговорили о ее занятиях. Вот она показывает мне свой фотоальбом. В кресле. Лето. На ней красные тапочки. Короткая юбочка. Длинные гладкие голые ноги. Мягко-гусиная кожа чудно пахнет.

Подхожу к креслу, смотрю через плечо, как будто на фотографии, но молочная шея и собранные в косу волосы сводят меня с ума. Приближаю голову ближе, я чувствую пульсацию на ее шее и понимаю, что выпил бы всю ее кровь. Потом голова еще ближе к ней, она делает вид, что ничего не происходит, еще ближе, глаза, губы, не могу, умираю, дрожу от страсти, как дизельгенератор.

Она начинает нервничать, стараюсь молчать, чтобы не афишировать осипший от страсти голос. Альбом заканчивается, надо что-то предпринять – смотрю в ее зеленые глаза, хватаю за груди и пытаюсь поцеловать в губы. Бледнота, дурнота, головокружение. Она улыбается, но отстраняется от меня. Я подношу руку к ее животу. Прости, прости меня, можно я тебя поцелую. Нет! Цветок закрылся.

Я готов провалиться под землю, черт возьми я же схожу с ума! I'm going slightly mad. Я представляю, какого цвета у нее соски, как лепестки розы. Снова прошу четыреста сорок пять тысяч прощений, ведь я люблю ее, не моя вина, не в моих силах остановится, я человек, ничего не могу с собой поделать, эти формы, никогда, но эти формы...

Я ходил за ней в ее универ, караулил. Чуть завидев ее, замирал бешеной собакой перед броском. Искусать каждый сантиметр ее тела. Но премьера провалилась. Она своим отвращением посвятила меня в рыцари Искусства. Я был великолепен. Грустный маяковско-достоевский бодлеровангог.

Ее занятия начинаются в двенадцать ноль-ноль. я был у нее в десять. Дома одна. Расчесывала перед уходом свои каштановые волосы. Косметика и водолазка, уничтожающая меня видом укомплектованных под ней грудей. Вежлива, мила, обольстительна, общительна, строптива.

Пытаюсь сделать официальное сообщение. Свет на меня. Предлагаю ей руку (о браке, разумеется, нет и речи). Говорю, что люблю ее, сдыхаю, давай встречаться, раз и навсегда, ты и я. При этом смертельно хочу в туалет.

- Неужели я тебе совсем не нравлюсь? - спрашиваю я.

- Я люблю другого.

- Понимаю, - многозначительно говорю я, но ничего не понимаю.

Как же так, все это время она смотрела на меня влюбленными глазами, улыбалась мне и смеялась: почему же мы до сих пор еще не в постели! Что происходит!

Если бы меня в тот момент засняли на фотопленку, то смотреть на снимок можно было бы только в негативе. Черное вдруг стало белым, белое - черным. Ноги не идут. Отнимаются. Что-то пью, чтобы выжить, обрести новые силы. Но ничего не получается. Все перекрашивается в черный цвет.

Окна в окне гаснут. Я, как ненормальный, тянусь к выключателю, чтобы последовать их примеру. Темнота спасает. Тишина спасает. Но не лечит. Совсем не лечит.

Моя молодость брошена в ров, как букет увядших цветов...

ПОЛИТЕХ

Мудрость делает людей робкими.

Э.Роттердамский, Похвала глупости.

Впервые в Политех я попал вместе с группой хип-хоп танцев в 9-м классе, мы занимались в Зеленем зале. Я смотрел на этот храм науки и хотел в нем учиться. На скамейках и лестницах в то время сидели группы студентов, которые рассказывали друг другу забавные истории, и все дружно смеялись. Я хотел стать частью этой истории.

И вообще я думал, что после полукриминальной школы я попаду в интеллектуальную среду, в которой я остро нуждался. Но то, с чем я столкнулся в Политехе, меня ужаснуло. Полуграмотные студенты, грязные аудитории, непорядочность и преступность. Пренебрежение ко всем, проявляющим склонность к учебе. Поголовное невежество и хамство. Закомплексованность до крайней агрессивности.

В то время можно было констатировать не только гибель образования, но и гибель всей страны. Из-за экономической блокады страны, устроенной соседями, у нас не было ни света, ни газа, ни хлеба, ни отопления, ни жизни.

В Политехе я ходил в джинсах с нашивкой R.E.M., чем доводил до бешенства университетских рабизов. Я видел, как в Политехе относились к ребятам, носившим джинсы: всячески гнобили, избивали, пытались всячески унижить. Рокеры, как их называли в городе, напоминали ранних христиан, оказавшихся в среде агрессивных язычников.

Тут, вероятно, надо остановиться на терминах «рокеры» и «рабизы». Все молодое население Еревана делилось на рабизов – ереванских гопников, недалеких людей, преимущественно, из семей сельских жителей, перебравшихся в город. Говорят, что слово «рабиз» некогда возникло из словосочетания «работник искусства», и иронически применялось к людям, не имевшим к искусству никакого отношения.

Рабизы одевались во все черное, слушали национальную музыку и отрицали все западное. Только среди рабизов я встречал наиболее примитивные экземпляры для моей коллекции образчиков человеческой глупости. Я охотно погружался в эти залежи примитивных верований, воровских понятий и животных инстинктов. Хотя и несколько раз получал за это сполна.

Рокерами в городе называли людей, которые ориентировались на западное искусство и европейский образ жизни. Рокеры слушали рок-музыку и носили джинсы. Причем к рокерам относили и панков, и металлистов, и даже рэперов. Иными словами, под рокерами понимались неформалы всех мастей.

В то опасное время для физического и психического здоровья время находились люди, которые отращивали волосы, носили бакенбарды, рваные джинсы, кроссовки, майки, рюкзаки, панамки, банданы, бейсболки, шорты, косухи. Все это было приправлено всевозможными фенечками и т.д. Раскрепощенные нравы рокеров раздражали не только рабизов, но и нейтралов, составляющих нечто вроде прослойки консервативной интеллигенции. Быть рокером в Ереване значило не проявлять никакого интереса к рейтингу во дворе и особенно своему здоровью. Все это воспринималось рабизами, как пощечина общественному вкусу, всячески порицалось и преследовалось.

Рокеры обитали в местах, прямо или косвенно связанных с искусством: Музей Параджанова, Музей Современного Искусства, Центр Современного Экспериментального Искусства (НПАК), Театральная площадь, Театр Пантомимы, кафе у Консерватории и т.д.

Конечно, тот факт, что я оказался рокером из-за своей любви к рок-музыке, усложнял мне и без того непростую жизнь. Но я искренне радовался тому, что отношусь к прогрессивному классу молодежи. С однокурсниками у меня были непростые отношения, но учеба мне давалась легко. Я играл и пел в рок-группе, которая периодически выступила, особенно наш «концерт десятилетия» в доме Хорового Пения. Также я писал стихи в духе Владимира Маяковского, которого укусил Джим Моррисон.

В тот день мы собирались на вечеринку у одного нашего друга, Гуго. У его отца была мастерская на Кочара, и мы там периодически собирались. Мы поднимались на 10-ый этаж без лифта и света в подъезде, но это того стоило: двухуровневая мастерская с прекрасным балконом и видом на город.

Мы накупили всяких продуктов и шли к зданию, где располагалась мастерская. Были я, Цул, Сэм, Гуш и сам Гуго. Цул был с моим другом, с моего района. Его кличка «цул» означала «бык», и он на районе был авторитете. Я всегда удивлялся его способностям сочетать одинаково удачное общение и с рокерами, и с рабизами, и при этом быть для тех и других своим. Гуш был другом Гуго, и его кличка означала «голубь». Он реально внешне был очень похож на голубя.

Прямо у здания перед нами остановилась машина, из нее выскочили два здоровых человека и преградили нам вход в подъезд.

«Предъявите документы!», – сказал здоровенный мужлан и показал нам милицейское удостоверение. В те годы облавы на молодежь были в порядке вещей: ловили призывников в военкомат; ловили студентов, затеявших драки и т.д.

Мы предъявили студенческие билеты. Опера немного позабавились над студенческим билетом Цула, в котором было написано, что он студент факультета клоунады Театрального института. Потом они решили досмотреть наши сумки. В одной из них были краски, а в других продукты и здоровенный военный нож, который Сэм стащил у отца, чтобы нарезать продукты. За нож, который могли отнести к холодному оружию, мы могли здорово влететь. Поэтому, как только они начали заглядывать в сумки, я подошел к ним со своей сумкой, в которой лежали краски и разбавители, снял шапку, под которой у меня были длинные волосы, показал краски в сумке и сказал, что мы художники. Опер посмотрел на меня и подал знак приятелю, что, типа, с них нечего взять и можно отпускать.

Мы поднялись наверх, в мастерскую, и через несколько часов у нас была большая часть ереванских рокеров. Было очень много красивых девушек. Мы пили вино, общались и целовались с ними. Все было чинно и благородно. Ближе к 11 часам вечера гости стали расходиться. И мы с ребятами поняли, что не доедем до дома, потому что автобусы ходят до 22:00. Придется ночевать в неотапливаемой мастерской в феврале, когда на улице приличный минус.

Гуго принес с балкона связку дров, которых могло хватить на пару часов, и мы затопили печку-буржуйку. Сели вокруг нее, стали травить анекдоты и засыпать. Все проснулись через несколько часов, когда печь погасла, и стала нестерпимо холодно, словно мы находимся в открытом космосе. Мы облазили все углы и достали все бумаги и газеты, которые можно было поджечь. Также в ход пошли старые рамы для картин и подрамники без холстов. На какое-то время мы снова заснули. Гуш во сне клевал носом и напоминал странную птицу в человеческий рост. В нем было что-то от птицы Крок из «Тайны третьей планеты».

Утром мы все повылезали из своих курток и пытались поесть. Электричества по-прежнему не было, дров для печи тоже, поэтому мы съели бутерброды и разбежались по домам, предварительно решив, что такую шикарную вечеринку надо обязательно повторить.

На следующий день я подошел к университетскому двору. Каникулы закончились. Все начинается по новой. Опять эти лица, лекции, экзамены, курсовые и лабораторные. Но я успел отдохнуть. Теперь я легок, теперь я летаю, теперь я вижу себя под собой, теперь Бог танцует во мне.

GAUDEAMUS

Из всего, что я потерял, больше всего мне жаль разума.

Оззи Осборн.

У меня зазвонил телефон.
Кто говорит? Слон?

Мне снились колокола. Сумасшедший набат. Я испугался и выпрыгнул из постели, а телефон все звонил, не переставая. Я дождался пока звонок прекратится и посмотрел в окно: день обещал быть жарким.

Еще совсем недавно мы с Эдом прятались на съемной квартире от военкомата, пока ожидали результатов по зачислению в магистратуру. Он не прошел по баллам и собирался домой, чтобы оттуда поехать на сборы. А я молча смотрел на него и осязал, что торпеда прошла мимо. Оставался последний экзамен.

В университете броуновское движение. Я снова в ящике Скиннера. Профессор пригласил меня к заколдованным билетам. Я вытянул хрень. После недолгого потемнения в глазах – жалкие попытки хоть что-нибудь припомнить по теме. В голове всплыл какой-то график, схемы, формулы. Я пытался выложиться по полной программе. Но еще недавно я провожал друга в армию, и еще помнил его лицо смертника. Вдруг внезапно все исчезло - и сознание превратилось в белый лист бумаги. Я ничего не помнил. Я ничего не мог сказать.

Профессор внимательно посмотрел на меня, затем улыбнулся и сказал, что я могу не торопиться с ответом на билет. Я немного успокоился и начал готовить ответ.

Я сдал экзамен и вышел на свободу. Наконец моя жизнь начала налаживаться. Тем более, что на следующий день должен был быть гаудеамус – студенческий рок-фестиваль, который все ждали.

Место проведения рок-концертов – НПАК, «Зеленый зал» Политеха и зал “Глория”. Все местные рокеры знали друг друга в лицо. Это напоминало тайные собрания на конспиративных квартирах. И если ты где-то вдруг увидел незнакомого человека в хипповом прикиде, то он обязательно придет на ближайший по времени рок-концерт. Это было все равно, что собираться в церкви на воскресную службу.

Организатор фестиваля центр современного экспериментального искусства «Нпак» был очень странным местом. Выставлявшееся в нем актуальное искусство

было жалкой пародией экспозиции новейших течений в Третьяковке на Крымском валу. Но в НПАКе имитировался бурный художественный процесс, связанный с конструированием инсталляций и странных живописных скульптур. Но изюминкой НПАКа были еженедельные лекции и кинопоказы Завена Бояджяна, который знакомил нас с шедеврами киноискусства.

Я выполз из конспиративной квартиры на свет, как черепаха Тортилла, в гигантских солнцезащитных очках. Уже более 3 недель я прятался от военкомата без общения с внешним миром. Но я понимал риски: если во время фестиваля будет облава, то меня могут забрить в армию несмотря на то, что я поступаю в магистратуру и мой аттестационный бал позволяет это сделать. Помимо очков, я отрастил бороду, оделся в белую рубашку и черные брюки, чтобы не привлекать к себе внимания. Я ощущал себя Штирлицем на Олимпийских играх 1933-го года в Берлине.

Со всего города к НПАКу съезжались неформалы. Они заполняли фойе и поднимались вверх по лестнице, в актовый зал. Где-то в коридорах актового зала стоял гимнастический козел, довольно высокий. И практически каждый, кто пытался через него перепрыгнуть, разрывал себе джинсы на заднице. Осознав зрелищность козла, часть зрителей переместилась к нему, с замиранием сердца наблюдая, как очередной доброволец принесет свои джинсы на образовавшийся жертвенный алтарь фестиваля.

На сцене же разворачивался крошечный ад: аппаратура глючила и фонила, микрофоны визжали, гитары слетали с фузов и бренчали, как деревянные, барабанщики сбивались с ритма. Музыка сырых непереваренных чувств.

Я вышел на воздух, группками курили разнообразные знакомые. Вот Мака, классная девчонка, стройная, красивая и умная, фанатка «Гражданской обороны». Много лет спустя я узнал ее со спины в толпе в сочинском аэропорту по заднице. Вот Грайр, с которым мы долгие годы обменивались кассетами с арт-роком. Вот Бибкин, человек, который все о всех знает. А там Клап с бородой как у Месропа Маштоца, барабанщик практически всех рок-групп в городе. Вот Рената, которая курит, как сапожник, а на фразу «кончишь раком», отвечала, что, к сожалению, «раком не кончает». Вот девочки-школьницы из близлежащих школ, прибившиеся к нашей тусовке. Вот долбанутая девочка-чипсы Эстрелла. А там Хачик и его группа «Ass Kissers», где-то ходит Димон из «Ro The U», Флойд и его «Strangers» и многие, многие другие.

Мы слушали музыку с самого начала фестиваля и до самой ночи. Несмотря на проблемы с электричеством и аппаратурой, практическим отсутствием звуковых мониторов, из-за чего вокал напоминал стон бурлаков на Волге, всем очень нравилась музыка и атмосфера. Мы готовились к концу света. Это было последнее лето детства.